

Искровы РАКЕТНЫЙ МАРШАЛ

СЛУЧАЙ СВЁЛ МЕНЯ с маршалом артиллерии Владимиром Фёдоровичем Толубко. Фронтвик, он отважно воевал, стоял у истоков ракетных войск и стал командующим Ракетных войск стратегического назначения. Он ценил мои репортажи о ядерных испытаниях, о новых ракетных комплексах и пригласил на космодром "Плесецк" — эту святая святых ракетных испытателей. Там не бывал ни один писатель, и вдруг мне открылась возможность вместе с маршалом побывать на этом загадочном северном космодроме.

Космодром "Плесецк" — это огромный помост тайги, прорезанный бетонными трассами, железнодорожными путями, высоковольтными линиями. Все они сходятся на стартплощадках, на стартовых столах, выложенных огнеупорными плитами. С этих столов взмывают ракеты, летят по баллистическим кривым тысячи километров и падают на Камчатке. Если испытания проходят благополучно, ракетчики говорят: "Ракета попала в кол". То есть попала точно.

Когда я оказался на космодроме "Плесецк", меня повели на старт, где готовились к пуску обычная, проверенная временем ракета, наполненная водородом и кислородом. Топливо находилось в сжиженном состоянии и было охлаждено, так что стоящая на старте ракета вся была покрыта пушистой шубой. Солдаты-срочники, готовившие ракету к пуску, от руки начертали на этой шубе имя "Таня". Мне объяснили, что все ракеты такого класса уходит в небо, унося туда имя возлюбленной, невесты первого испытателя.

Толубко был приветливый, без маршальской надменности, с чувством юмора. Он повёл меня на смотровую вышку, где перед началом испытаний собрались создатели ракеты мобильного железнодорожного комплекса. Когда я вместе с маршалом вошёл, генеральный конструктор, главные конструкторы, инженеры, генералы, маститые управленцы посмотрели на меня недовольно и даже враждебно. И только присутствие маршала мешало им высказать своё негодование. Они полагали, что присутствие незнакомого человека испортит старт. Так моряки не пускают на свой корабль женщину, так военные лётчики запрещают себя фотографировать на фоне самолёта. Все они, включая ракетчиков, суеверны.

Вдалеке, за лесами светил огонь: это был освещён стартовый стол, на котором установлена ракета. Меня поразил вид этих маститых, именитых людей. Все они были одеты затрапезно, даже неряшливо: в несвежие костюмах, галстуки повязаны неправильно — одни с тонкими, другие со слишком толстыми узлами. Видно было, что они относятся с полным пренебрежением к своей внешности. Все они были поглощены делом, им просто не хватало времени для того, чтобы следить за своим внешним видом.

Начался обратный отсчёт: "Четыре, три, два, один — старт!" В тайге мощно полыхнуло громадное зарево, осветило окрестные леса. Из лесов медленно, на белой метле стала подниматься ракета — её сияющая белоснежная колонна. Ракета увеличила скорость, прыгнула, помчалась ввысь, пронзила облако и наполнила его великолепными радугами, превратившись затем в маленькую гаснущую звезду. А в облаке, выжженная уплетшей ракетой, осталась полынца, которая долго не зарастала.

Все испытатели напряжённо ждали, когда у ракеты произойдёт отсечка двигателя, когда она сбросит первую ступень, когда сбросит вторую ступень, выйдут на баллистическую кривую и уже без двигателя, без огня понесётся над гигантской страной к далекому Тихому океану, чтобы упасть на полигон Камчатки. И когда вторая ступень ракеты упала над полярной тундрой, и было ясно, что пуск удался, что ракета идёт по намеченной баллистической кривой и достигнет заданной цели, все присутствующие: генеральный конструктор, главные конструкторы, испытатели, генералы, учёные, профессора, академики, — возликовали, стали обнимать друг друга, а потом вдруг все разом обратили на меня свои взоры и кинулись ко мне. Они стали качать меня, славить, требовать у меня сувениры. Я передал свою авторучку, отдал часы, кто-то в суматохе откупил от моего пиджака пуговицу. Все считали, что я принёс им удачу, я — тот амулет, который вёл ракету к намеченной цели.

С тех пор я часто встречался с ракетами. Вместе с мобильными установками "Тополей" под звёздным небом Белоруссии я двигался через ночные пустынные поля к той точке, откуда предполагался пуск ракеты. Спускался в ракетные шахты и вдыхал запах кажих-то смол, лаков, металлов, присадок — так пахла живая ракета, которая ждала грозного приказа и могла, улетев в небеса, спалить континент.

Я побывал на многих ракетных заводах. Вершиной моего ракетного опыта был старт "Энергии" и "Бурана", когда этот громадный колоссальный белоснежный столб, к которому прилепились восхитительная бочка, этот белокрылый бражник — когда они вместе умалились на огненном облаке в небеса, прогрохотав так, что вся казахстанская степь долго не смогла от гула. Через положенное время "Буран" вернулся на землю в сопровождении истребителей, консулся земли, из-под его колёс вырывался дым, он промчался, а за ним трепетали два торозных парашюта. Когда "Буран" остыл, когда качали и подбрасывали вверх создателей этого удивительного корабля, я подошёл, погладил его тёплую шерсть — термоизолирующие белые пластины, вдыхал его запах. И казалось, что я знаю, как пахнет космос.

Я никогда не забуду крепкого, плотного ракетного маршала Владимира Фёдоровича Толубко.

Александр ПРОХАНОВ

КАЧЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕЛОМ геополитического положения Китая, был осознан там только в 2019 году и вызвал шок. Дело в том, что большие процессы, превышающие по своей длительности жизнь поколения, кажутся современникам некоторой константой. Например, не так давно мы не могли себе представить мир без Брежнева. А Китай почти 40 лет своего потрясающего роста не мог помыслить собственного развития без тесного сотрудничества с Америкой.

Конечно, это не отменяет его собственных заслуг в создании экономического чуда, подобного которому по масштабам, темпам и продолжительности не видел никто. В меньших масштабах подъём был, например, в Боливии, но, после того, как президент Эво Моралес в четыре раза увеличил экономику страны, дело там закончилось политической катастрофой.

Почти сорок лет Китай рос за счёт технологий, капиталов и ёмкого рынка США. Перелом, ставший очевидным с 2017 года, со времени прихода Трампа, вызывал ещё с 2009-го, но для Китая лобовая конфронтация с США оказалась совершенно неожиданной.

Основу парадоксальной модели взаимодействия США и Китая заложил ещё Мао Цзэдун. Он вступил с Советским Союзом в системный конфликт по многим причинам. В частности, потому что СССР после смерти Сталина стал деградировать. К тому же Мао страшился свержения: он не забывал о том, что на равнинах к северу от Пекина ему нечего было противопоставить советским танкам.

К концу 1960-х годов Мао твёрдо решил опереться на помощь США, но прямых контактов с ними, в силу живой памяти о войне в Корее (которую с 2018 года в КНР называют китайско-американской), к тому времени ещё не было.

Тогда в 1969 году Мао решил обратиться к США на традиционном для Китая языке непрямых действий — в виде направленной против СССР провокации на острове Даманский (отдан китайцам в 1991 году) и на участке близ озера Жаланашколь в Казахстане (передан Китаю в 1998-м).

Михаил Делягин ГУДБАЙ, «ХИМЕРИКА»

Китайский дракон меняет кожу

Надо понимать, что разные культуры ведут переговоры по-разному. Как, например, Чан Кайши понял, что Мао Цзэдун не будет атаковать Тайвань? По поведению Пекина в отношении части тайваньских островов, расположенных совсем близко к материку (там тайваньские пограничные заставы стоят до сих пор). Когда Китай стал обстреливать эти острова не каждый день, а через день, по расписанию, — это стало демонстрацией неготовности к "окончательному решению тайваньского вопроса", демонстрацией того, что Мао Цзэдуну нужно поддержание напряжённости в отношениях с Тайванем, но не устранение её источника. Чан Кайши ослабил, и дальнейшее развитие этой островной административной единицы Китая всем известно...

После 1969-го акты агрессии по отношению к СССР не прекращались. В 1970-1972 гг. только на Дальнем Востоке было 776 провокаций, а за 1979-й — больше тысячи! Всего за 1975-1980 гг. китайцами, по отчётам советских пограничников, было совершено почти 7000 нарушений границы и иных провокаций.

Можно только гадать о досаде Мао, когда он осознал, что в США правят не китайцы: то, что хорошо понимал Чан Кайши, президент Никсон даже не замечал. Руководство США было погружено в свои проблемы: от антивоенного движения и борьбы за права негров до угрозы банкротства в 1971 году, — и просто не подозревало о "предложениях" китайцев.

Сейчас задним числом американские идеологи, начиная с Киссинджера, пишут, что они всё внимательно отслеживали. Но это, скорее, пропаганда, не подтверждённая фактами. А вот ужас Мао Цзэдуна перед возможным военным возмездием со стороны СССР вплоть до мая 1970 года, когда ему удалось получить гарантии ненападения, неплохо документирован. Конфликт Китая с Советским Союзом создал странную атмосферу в социалистическом мире. В итоге США всё-таки вступили в игру с Китаем через "пинг-понговую дипломатию" в самом начале 70-х годов, когда на соревнованиях по настольному теннису американский спортсмен подошёл к китайскому. И стороны поняли, что всё не так плохо, что можно разговаривать.

Результатом стал визит Никсона в КНР в феврале 1972 года, который принёс американскому президенту оплутнительный успех и способствовал его победе на выборах в том же году. Визит резко укрепил позиции США в их противостоянии Советскому Союзу, дал им нового: мощного и притом социалистического союзника.

Но этот союзник оставался потенциальным: сам характер взаимодействия США и Китая ошутливо не изменился, — танцевать танго, как говорится, было некому ни со стороны Китая, ни со стороны США. Мао Цзэдун был слишком заскорузл в политическом отношении, чтобы думать о чём-либо, кроме сохранения власти, к тому же, он уже тяжело болел. А руководство США было занято в то время созданием механизма нефтедоллара, расклёбыванием собственной агонии во Вьетнаме и организацией так называемой разрядки.

К тому же, американцы ненавидели Мао Цзэдуна — они помнили, как в 1946 году тот блестяще надул пинг-понга поспаника Трумана, генерала Джорджа Маршалла, — того самого, который буквально через год стал автором знаменитого плана, сделавшего Западную Европу экономическим заложником Америки.

А дело было так. После поражения Японии Чан Кайши развернул мощное наступление на китайскую компартию в Маньчжурии. С военной точки зрения, китайские коммунисты были обречены на поражение. Сталин, как мы знаем, придерживался концепции народных демократий. У него не было идеи коммунизации ни Восточной Европы, ни Китая. Он хотел установления в этих странах власти, хорошо относящейся к Советскому Союзу, благодарной ему хотя бы за то, что он освободил их от фашизма. Ну, как поляка или румына можно было захлпнуть в колхоз? Никак, совершенно очевидно... Это был мудрый ушёл национальной специфики, как тогда говорились. На XIX съезде КПСС Сталин говорил о том, что коммунисты должны объединяться со всеми национально ориентированными силами, поскольку главное противоречие эпохи — не между трудом и капиталом, а, грубо говоря, между глобальными спекулянтами и интересами народов.

В ответ на это Запад провёл операцию по дискредитации практически всех умренных социал-демократов Восточной Европы, выставив их союзниками либо фашистов, либо англичан и американцев. Коммунизация Восточной Европы во многом стала результатом спецоперации ЦРУ.

Исходя из концепции народной демократии, Сталин рассматривал Чан Кайши как естественного лидера Китая и необходимого тактического, пусть и не коммунистического, союзника. Мао Цзэдун в тот момент располагал небольшими по китайским меркам силами, всецело зависел от Советского Союза и воспринимал Сталиным как такой же националист, что и Чан Кайши, только принимавший, в силу обстоятельств, коммунистический окрас. В рамках вышеназванной концепции Мао Цзэдуну места не было. В самом лучшем случае его ждала эвакуация в Советский Союз и почётная пенсия.

Но тут проявилась тактическая гениальность Мао: он обаял повисшего его Маршалла, как и часть предвстателей США до него. В 1944-м он даже изобразил, что всерьёз рассматривает вопрос о переименовании Компартии Китая, чтобы она называлась как-то иначе, не коммунистической! Американцы просто скакали от радости, как некоторые нынешние украинцы. В результате Мао через Маршалла убедил руководство США, что является точь-е-точь таким же националистом, что и Чан Кайши, только менее коррумпированным и более дееспособным.

А надо сказать, что американское руководство ещё при Рузвельте приходило в прямом смысле слова в неистовство от чудовищной коррупции режима Чан Кайши, который не только разворовывал деньги американских налогоплательщиков, но и дискредитировал США в самом Китае, обесмысливая их помощь. В результате американцы поверили Мао и оказали ему политическую поддержку, остановив наступление Чан Кайши в Маньчжурии. Они обещали Мао Цзэдуну четырёхмесячное прекращение огня. За это время тот смог укрепить свои позиции и реформировать армию. Подняв свой морально-политический авторитет внутри страны, Мао вступил в борьбу за власть с Чан Кайши и блистательно победил.

Джорджу Маршаллу, госсекретарю, человеку в Америке крайне уважаемому, обман со стороны Мао Цзэдуна обошёлся очень дорого. По инерции он ещё продолжал карьерный рост, с началом войны в Корее даже возглавлял Пентагон, но уже в 1951-м был вынужден подать в отставку, формально — "по состоянию здоровья". А на самом деле — из-за нападок Маккарти, который вполне обоснованно и при полной общественной поддержке обвинил его в "потере Китая". США так и не простили этого ни Маршаллу, ни Мао.

Вот почему сотрудничество американцев с китайцами было крайне проблематичным даже в конце 70-х. Единственное, что у Америки с Китаем получилось, — стратегическая ловушка для СССР в Афганистане. Афганская война была антисоветским "совместным предприятием" США и Китая, которое осуществлялось уже при Дан Сяопине, но задумывалось ещё во времена постмаоистской инерции.

Мы в России плохо понимаем, как устроено сейчас афганское общество и как оно было устроено тогда. В Советском Союзе это тоже мало понимали. Советские спецслужбы были практически не укоренены в Афганистане, в отличие от британских и даже американских. В Афганистане наиболее развитой (культурной) частью общества были таджики — второй по численности этнос, основа афганской интеллигенции. Кабул был таджикским городом. Жившие в нём пуштуны даже говорили на фарси. Пуштуны же — наиболее пассивные из крупных этнических групп Афганистана — традиционно обладали политической властью в стране.

Во второй половине 70-х годов из-за экономического кризиса, накрывшего неосоциалистическую часть мира, социально-экономическое положение Афганистана стало резко ухудшаться. Режим Дауда убрал всех левых из власти, и в 1977 году, отреагировав на обострение внутренней ситуации, вообще установил однопартийную систему, ухудшив отношения с Советским Союзом.

Кризис активизировал политические силы пуштунов, но у них не было тяги к объединению, там были только вожди! Пуштуновское по составу руководство Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) состояло из ряда племенных групп, которые воевали друг с другом вплоть до самой гибели партии и светского Афганистана в целом (насколько можно судить, они продолжают это занятие и сейчас). По взглядам они были сталинистами, как и большинство нормальных людей. Принимая из прагматических соображений помощь Советского Союза, они были настроены резко

враждебно по отношению к позднесоветскому буржуазному перерождению. Это автоматически обусловило колоссальное влияние Китая на них.

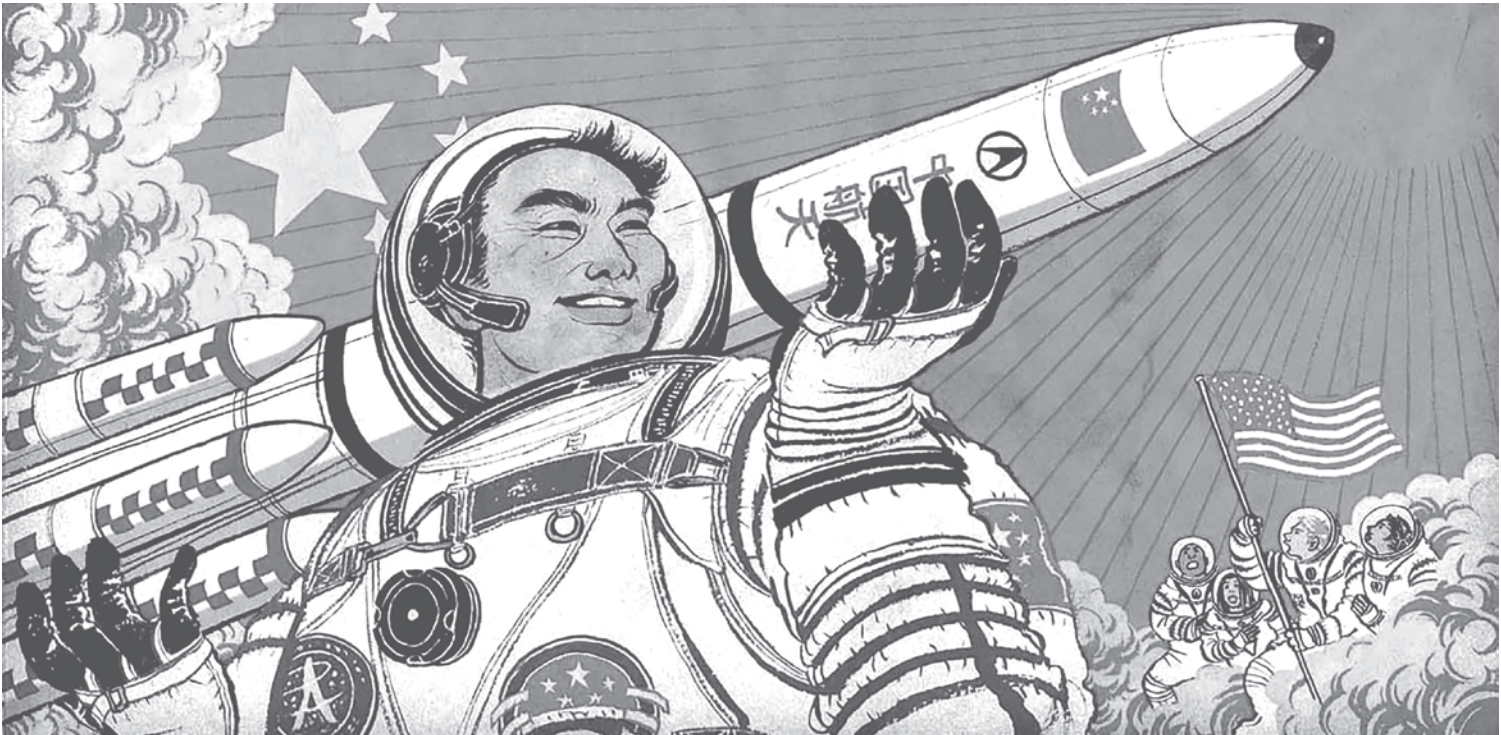
И китайцы, не имея собственных ресурсов, поделились этим влиянием с обеспеченными и умелыми американскими спецслужбами, к тому же, жаждшими расквитаться с высокомерными британцами в традиционной сфере их влияния. Разумеется, это лишь гипотеза, но она, по крайней мере, объясняет, почему лидеры НДПА скрывали свои планы от Советского Союза. Формально у них была отговорка: мол, вы дружите с враждебным нам режимом Дауда. Но причины были совершенно другими. Афганские революционеры относились к современному им позднебрежневскому СССР немного лучше, чем к США.

Революция 1978 года, с которой всё, собственно, и началось в Афганистане, была пуштунской и выражено антиафджикской. Это была в значительной мере этническая революция. Идеологически она была маоистской, потому что под китайским влиянием сталинизм в Афганистане эволюционировал в маоизм. И, естественно, антисоветской.

Решающую роль в ней сыграл Амин, жёсткий практик, агент ЦРУ с 20-летним стажем, по моим сведениям. Он уступил власть более авторитетному романтику Таракі, первому секретарю НДПА; Амин пытался создать культ его личности, использовать его, а когда это не вышло, он сверг и убил Таракі. И с удовольствием содействовал спецслужбам США в организации разнообразных провокаций против Советского Союза. При этом Таракі и Амин осуществили уничтожение таджикской интеллигенции Афганистана, кропотливо выращенной при монархии.

Выжить смогли либо очень известные персоны, либо те, кто был женат на советских. А общество без интеллигенции становится более простым и "резким". Грубые, по маоистским рецептам осуществлённые, реформы разожгли гражданскую войну. Поэтому уже в марте 1979 года Амин стал просить Советский Союз о военной интервенции: больше просить было, опять же, некого.

«ХИМЕРИКА»

Развитие КНР — дерзкий вызов цивилизации Запада.

И Советский Союз был поставлен перед выбором: крах НДПА привёл бы к власти врагов СССР, а помощь этим маоистам сохранила бы у власти пусть и скрытых, но непримиримых наших врагов. Единственным выходом виделась замена Амина на проигравшего к тому времени внутрипартийную конкуренцию и потому вынужденного стать просоветским Бабарка Кармала, о котором наши военные советники были, мягко говоря, не лучшего мнения, так как этот деятель отличался крайне низкими личными и деловыми качествами.

В результате Афганистан обернулся для нас американо-китайской ловушкой. Но он стал проблемой и для Китая, поскольку воевавшие на стороне душманов мусульмане-уйгуры вернулись позже к себе, в Синьцзян-Уйгурский автономный район, значительную часть нынешней территории которого, к слову, мы передали Китаю в 1944 году. С тех пор большие проблемы, связанные с межэтническим противостоянием и терроризмом, получили в этом регионе постоянную прописку и профессиональную подпитку, ибо с Афганистана эти люди перешли под контроль США и представляли уже их интересы. Только в 2015 году жёсткими методами удалось пресечь терроризм и нападения на мирных жителей региона. За прошедшие пять лет в Синьцзяне не было ни одного теракта, и Запад этого Китаю не простил.

Но вернёмся к 1970-м годам. К концу десятилетия США поняли, что проигрывают Советскому Союзу по всем направлениям. Транснациональные корпорации Запада откровенно стигмали, его экономика всё сильнее погружалась в пучину стагнации. Выход забрезжил только в 1981 году, когда резкое упрощение кредитования в рамках "рейганомии" перезапустило "мотор" капитализма, заставив его работать в форсированном режиме.

А до того какначка ресурсам антисоветского, но социалистического Китая показалась волшебной возможностью построения нового плацдарма для борьбы с Советским Союзом. А Афганистаном просто отвлекали наше внимание, чтобы перехватить у нас стратегическую инициативу.

Для нового руководства Китая возможная помощь США открывала новые измерения. Сразу же после победы над засоренными преимикиами Мао Дан Сяопин бросился в Штаты, где в ходе длительной поездки всеми силами демонстрировал свою "американскость" — вплоть до позирования в ковбойской шляпе, которую сам считал дурацкой.

Разумеется, приверженность к США и враждебность по отношению к Советскому Союзу надо было доказывать не только этим. По возвращении в Китай Дан Сяопин сразу же повязал себя кровью, напав в феврале 1979 года на Вьетнам. Эта война, бессмысленная с военной точки зрения и завершившаяся болезненным поражением, была таким же элементом диалога с Америкой, что и нападения на советские территории в конце 60-х. Но поскольку теперь всё было, вероятно, согласовано как минимум с руководством американских спецслужб, Дан Сяопин был услышан сразу и понят верно.

Этой войной он решил и колоссальную внутреннюю политическую проблему, ослабив приведшее его к власти военное руководство. Ведь военные при Мао оставались наиболее разумной и эффективной силой китайского общества. Втавив их в войну, Дан Сяопин разрядил накопленную военными энергию на сторонний объект и в итоге подчинил их себе.

В результате возникновение неформального и непубличного союза с США против Советского Союза, Китай получил свободный доступ на американский рынок, который из-за кризиса отчаянно нуждался в дешёвых товарах, так как денег у американцев было мало. Самое же главное, Китай получил поддержку в виде технологий. Да, весь первый этап реформ осуществлялся силами китайских эмигрантов (так называемых хуацяо), но американцы предоставляли все гарантии безопасного экономического сотрудничества стран их проживания с Китаем. И вплоть до распада Советского Союза Китай развивался в качестве неанного, но исключительно важного союзника США в их борьбе против СССР.

В 90-е годы Китай стал выполнять несколько иную функцию: он обеспечивал Америку дешёвыми товарами, которые позволяли поднять уровень жизни американцев без увеличения доходов большинством населения. То есть можно повышать уровень жизни повышением доходов. А можно, нарядя с дорожными товарами, обеспечивать поставку дешёвых товаров. Это не обязательно отразится на индексе инфляции, если считать её плохо, — а американская статистика инфляции плохая. Повысить уровень потребления американцев получилось, и это было не менее важной миссией Китая, чем противостояние Советскому Союзу. Всё это обеспечивало Китаю комплексную, пусть и не афишируемую, поддержку со стороны США.

Ещё одним косвенным направлением поддержки был тот факт, что США систематически закрывали глаз на хищения в сфере интеллектуальной собственности. Когда дело доходило до совсем уж громких скандалов, китайцы "под камеру" давили бульдозерами CD-диски, и на этом всё заканчивалось.

В первое десятилетие XXI века, несмотря на локальные конфликты, Китай наращивал своё значение для США как экономический партнёр. Помимо поставок дешёвых товаров, необходимых для поддержания изоляции, помимо накопления в резервах долларов, которые эмитировали США, Китаю удалось в условиях переинвестирования развитых стран стать достойным объектом для масштабных вложений Запада. В КНР можно было инвестировать и получать гарантированную прибыль. Это сделало страну критически значимым фактором стабильности глобальной экономики и позволило китайцам в ноябре 2012 года, через две недели после завершения XVIII съезда КПК, на котором Си Цзиньпин официально пришёл к власти, поставить перед собой задачу завоевания мирового лидерства.

Разумеется, никто об этом прямо не говорил и не говорит, формула очень корректная: китайская мечта о великом возрождении китайской нации. Но под "возрождением" имеется в виду конец XVIII века — время, когда Китай производил более трети всего мирового ВВП. Китай хотел продолжить стремительное развитие в качестве экономической "тени" не только США, но и всего Запада в целом, надеясь без конфликта с уходящей западной цивилизацией занять лидерские позиции в мире, прежде чем та это заметит.

Но вектор глобального развития переломился. Перелом начался ещё в 2009-м, когда американцы, расклёбывая кризис 2008 года, стали неконтируемо вливать деньги в экономику. Китайцы всерьёз задумались, так как накопили колоссальные международные резервы, которые на пике,

чуть позже, составили почти четыре триллиона долларов. И возник естественный вопрос: а что будет, если американцы девальвируют доллар? Как китайцам не остаться у разбитого корыта? И когда девальвация действительно началась, Китай обратился к Америке с предложением: "Дорогие коллеги, давайте мы будем по-прежнему поддерживать вашу экономику складированием долларов в наших валютных резервах, а вы нам гарантируете, что покупательная способность этих долларов не будет снижаться". Но американцы сделали худшее, что только можно сделать в переговорах с Китаем: они не услышали вообще китайских предложений, проигнорировали!

А ведь до того часть американской элиты, которая ориентировалась на продолжение взаимоотношений с Китаем, выдвигала даже идею своеобразного кондоминиума — концепцию "Химерии", то есть объединения США и Китая. Это предложение поступило китайцам незадолго до того, как перезагрузка отношений была предложена и нам, России. Поскольку предложение делалось, по-видимому, в столь же хамской форме, что и позднее в российский адрес, оно было отвергнуто, хотя и не без напряжённых внутренних дискуссий. Это во многом способствовало приходу к власти Си Цзиньпина.

Китай уже тогда не хотел соглашаться на роль младшего партнёра. А США, в принципе, никогда и ни с кем не готовы сотрудничать равноправно, это вне их мировосприятия. Таким образом, соглашение не состоялось, и ориентированные на взаимодействие с Китаем силы в руководстве США стремительно сошли на нет. И хотя многие из этих людей оставались на своих должностях, их по-прежнему пригласили на совещания или читать лекции, но их реальное влияние рухнуло в одночасье. И уже к 2010 году в американской элите сложился консенсус, что КНР — это новый Карфаген, который должен быть разрушен.

Данная позиция не изменилась за прошедшие годы, поэтому Трамп смог под фанфары устроить торговую войну с Пекином. Кстати, он объявил торговые войны всем партнёрам США: Мексике, Канаде, европейским странам, но максимально "подсвечивает" именно отношения с китайцами. Почему? Не только потому, что КНР — главный партнёр США, но и потому, что это способ для Трампа объединить вокруг себя американскую элиту, которая расколота нынешней холодной гражданской войной. Единственное, что сейчас объединяет её, — понимание необходимости уничтожить Китай.

Повторюсь, что в явной форме этот перелом обозначился в 2016 году, когда сохранение глобальных рынков в силу загнivanja сложившейся на них монополии стало невозможным. На повестку дня стало управление предстоящим срывом человечества в глобальную депрессию — в интересах тех или иных участников глобального правящего класса, разумеется. Та модель расширения хаоса, которую Америка упорно всем навязывала с начала XXI века, была сломана нами, Россией, когда мы остановили их планы в Сирии, на Украине, в отношениях с Турцией.

В результате пришёл Трамп, который чётко понимает, что мир будет распадаться. Но он хочет, чтобы это происходило под руководством Америки и в интересах Америки. При этом довольно большая часть китайского аналитического сообщества, глядя на путь Трампа, до сих пор думает, что Трамп — просто бизнесмен, которому нужны деньги, и который успокоится, когда получит какое-то количество миллиардов. Они пока не понимают, что 40 лет блаженства для них закончились. Причина даже не в том, что отношения США и Китая стали другими, — переламывается всё мировое развитие!

Это с беспощадной ясностью понимают в Америке, причём понимают, на мой взгляд, не менее десяти лет. Но для китайской элиты, возросшей на западном образовании, это всё ещё шок. И даже если они получили образование в самом Китае, всё равно это образование западное, которое исходит из того, что "солнце" восходит в Вашингтоне. Поэтому вырвать из своего сердца страну, которая 40 лет была гарантом успешного развития Китая, несмотря на идеологическое противостояние: декларруемую неполюбов, провокации, агрессивные действия, — для определённой части китайской элиты всё ещё невозможно.

Судя по некоторым "выхлопам" медиа, ещё немало официальных лиц в Китае полагают, что в благословенный 40-летний период можно вернуться, а Си Цзиньпин просто неаккуратно поспорил с заокеанскими партнёрами. Но поезд всё-таки ушёл. Не все это поняли, многие стоят на платформе и кричат: "Си Цзиньпин, верни нам его!"

Но ничего вернуть не удастся. Ни Си Цзиньпину, ни кому-либо ещё. По двум причинам. Во-первых, Китаю это совершенно не выгодно. Во-вторых, сам поезд в обозримом будущем не планирует возвращение на прозападную, прокапиталистическую платформу. И это — к вопросу об общественном, государственном устройстве. Ведь основная среда нашего обитания сегодня — информация. Информация по природе — общественный продукт. Общественный продукт невозможно потребить частным образом. Поэтому время капитализма и, шире, рыночных отношений в качестве общественной доминанты закончилось.

Как Китай сможет преодолеть этот драматический перелом, учитывая высокую зависимость от внешних рынков? Вопрос остаётся открытым. Основная проблема видится в том, что китайская культура, как и всякая ирригационная культура, поневоле подавляет людей, которые способны придумывать что-то новое.

Самое позднее с 2003 года в Китае ставят задачу научить китайцев придумывать новое. Сейчас это осуществляется тысячами разных способов, включая сборы ДНК-материалов всех гениев прошлого и настоящего. Но при этом в Китае развивается система социального кредита. И это, на мой взгляд, классический пример тактической победы, которая оборачивается стратегическим поражением.

Ведь система социального кредита — это, по сути, обеспечение добропорядочности, выращивание нового человека, который не то что не хочет, а попросту не может нарушить стоявшие правила. Это замечательно и прекрасно, мы все хотим жить в мире без хулиганов и алкашей. Но авторы этой программы не учли, что создание нового почти всегда сопряжено с нарушением правил. Создавая нового добропорядочного человека со сверхэффективностью, свойственной Китаю, можно добиться потрясающей разумности общества, как это было продемонстрировано в ходе борьбы с распространением коронавируса. Но совершенно не факт, что эти дисциплинированные люди смогут придумать что-то новое в эпоху смерти созданных глобальными монополиями западных технологий, с их завывающими издержками и избыточной сложностью...

До 2017 года КНР давала право работать у себя иностранным специалистам в любых количествах и под любым предлогом. Если вы могли уверенно сказать о себе: "Май инглиш ливз мак ту би дивада", — вы могли спокойно преподавать английский во многих китайских районах и получать за это неплохие деньги. Но лавочка закрывалась в прошлом году, когда Китай стал бороться с иностранными "даушнхиферами" и "стартперами" всех мастей, ужесточив выдачу виз. Тут дал знать о себе и типичный китайский патриотизм — "Китай круче всех", и дисциплинарный момент: иностранцы не все налоги платят, не все бумажки оформляют вовремя, и так далее. Очевидно, что социальный механизм, который ставляет людей создавать новое, который удалось сделать у нас при Сталине, в Китае пока не создан. Японцы в своё время пытались создать нечто подобное, но оказались погребены под безумной системой управления, которая живёт по принципу "как бы чего не вышло" и "нужно посоветоваться со всеми". Я не знаю, сможет ли Китай решить эту проблему.

Выжить в условиях, в которые сейчас введён мир, — значит победить в глобальной депрессии. А для этого в распадающемся мире нужно создать свой макрорегион. В этой связи для Китая создание "зоны юаня" — важнейшая задача, которая позволит сформировать такой макрорегион на глубоком валютном уровне. Но в стране колоссальные долларовые резервы, триллионы! Именно поэтому в 2014 году китайцы на предложение России перейти на бездолларовую торговлю ответили примерно так: "Нам куда-то нужно девать доллары, поэтому мы, конечно, будем снижать их долю в торговле, но очень медленно". Продолжающаяся экспансия Китая — это во многом способ "сбросить" доллары, да ещё и с пользой для себя, получая за доллары реальные активы.

Тем не менее, они будут создавать зону юаня, никуда от этого Китаю не деться. К тому же, люди, которые хотели сохранить свой капитал в Юго-Восточной Азии, ещё в 2008 году поняли, что курс юаня к доллару, определяемый валютной комиссией при ЦК КПК, — куда более рыночная сила, чем спекулянты, которые продолжают резвиться на формально рыночных площадках. Вероятно, инструментом освоения мира, резервной валютой Большого Китая станет криптоюань, а обычный юань останется валютой Китая и будет, как и все обычные валюты стран-производителей, периодически девальвироваться для поддержания конкурентоспособности производств.